

INSPIRIA

INSPIRIA

Расследование Ханны Свенсен

Джоанна Флюк

Убийственные печеньки

«ЭКСМО»

2000

УДК 821.111.1
ББК 84(7Coe)-44

Флюк Д.

Убийственные печеньки / Д. Флюк — «Эксмо»,
2000 — (Расследование Ханны Свенсен)

ISBN 978-5-04-255723-1

Идеальное уютное чтение для поклонников «Убийств и кексиков» Питера Боланда, «Опасной игры бабули» Кристен Перрин и «Рецепта убийства для настоящей лентяйки» М. С. Битон. Бестселлер, покоривший сердца читателей по всему миру. Текст книги дополнен авторскими рецептами выпечки по сюжету. В издание вошёл бонусный рождественский рассказ с праздничными рецептами. Никто не умеет так мастерски распутывать захватывающие детективные тайны, как Ханна Свенсен, которая печет десерты и чьи имбирные пряники такие же терпкие, как и ее шутки. И все началось на этих страницах: с пекарни, убийства и неожиданно скандальных шоколадных печенек. Ханне Свенсен хватается хлопот. В маленьком городке Лейк-Иден она управляет самой популярной кофейней «Печеньки к чаю». Вести бизнес нелегко, особенно, когда на задворках собственного кафе находишь тело местного молочника с фермы «Милая буренка». И, что еще хуже — в руке с самым популярным печеньем. Такая реклама Ханне точно не нужна, но, к счастью, ее зять Билл — полицейский. И он соглашается не разглашать эту неприятную информацию в обмен на помощь в расследовании. В их городке убийства — редкость, и большого опыта у него нет. А вот с Ханной, особенно за чашечкой ароматного кофе с вкуснейшей выпечкой, местные жители с готовностью поделятся сплетнями. К тому же ее природное любопытство и страсть к детективам точно должны помочь ей распутать это странное дело. Отбиваясь от нападок матери, активно пытающейся свести дочь со всеми холостяками городка, Ханна пускается в опасное детективное приключение, которое может стоить ей сладкой жизни. «Поклонники Флюк называют ее "королевой кулинарных изысков", и ее истории показали мне, какими уютными могут быть детективы, когда в их основе лежит еда». — *Von Appetit* «Самыми уютными из уютных детективов остаются книги Джоанн Флюк». — *New York Times* «Джоанн Флюк повысила престиж своего жанра».

— Wall Street Journal «Интересный дебют с несколькими восхитительными рецептами в качестве бонуса». — Kirkus «Держит читателя в напряжении от начала до конца. Трудно оторваться». — Northern Herald

УДК 821.111.1

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-255723-1

© Флюк Д., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Убийственные печеньки	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джоанн Флюк

Убийственные печеньки

Joanne Fluke

CHOCOLATE CHIP COOKIE MURDER

Copyright © 2000 by Joanne Fluke

«Candy for Christmas» copyright © 2006 by Joanne Fluke

© Рокачевская Н., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Убийственные печенки

Глава 1

Ханна Свенсен накинула старую летнюю куртку, которую когда-то спасла из секонд-хенда «Добрые руки», нагнулась и подхватила огромного рыжего кота, трущегося о ее лодыжки.

– Ладно, Мойши. Можешь получить добавку, но до вечера это все.

Она отнесла кота на кухню, поставила миску на пол и тут же вспомнила день, когда он устроился у порога ее кондоминиума. Кот выглядел тогда откровенно жалко: грязный, со свалявшейся шерстью. Ханна не раздумывая забрала его. Интересно, кто еще согласился бы взять здорового полуслеплого кота с рваным ухом? Она назвала его Мойши, и хоть на выставке клуба кошатников Лейк-Идена он точно не получил бы ни одного приза, между ними мгновенно возникла связь. Оба они были изрядно побиты жизнью – Ханна после еженедельных стычек с матерью, Мойши после суровой жизни на улице.

Когда Ханна наполнила миску, Мойши довольно заурчал. Казалось, он по-своему благодарен, что больше не нужно выживать и искать еду, и постоянно это доказывал. Этим утром, например, Ханна обнаружила мышиную пятую точку прямо посередине кухонного стола, рядом с чахнувшей фиалкой, которую она вечно забывала поливать. Любая другая женщина на ее месте завизжала бы и позвала мужа, чтобы тот убрал эту гадость, но Ханна просто взяла останки за хвост и похвалила Мойши за то, что он изгоняет грызунов.

– Увидимся вечером, Мойши.

Ханна ласково погладила кота и схватила ключи от машины. Она уже натягивала кожаные перчатки, собираясь выйти, как зазвонил телефон.

Ханна взглянула на настенные часы в виде яблока, купленные на гаражной распродаже. Было всего шесть утра. Неужели мать решила позвонить в такую рань?

Мойши оторвался от миски и посмотрел на Ханну с выражением, похожим на сочувствие. Он недолго любил Долорес Свенсен и не скрывал своих чувств, когда та заявлялась к дочери без предупреждения. После пары разорванных колготок Долорес решила ограничить общение еженедельными ужинами по вторникам.

Ханна сняла трубку, оборвав автоответчик на полуслове, и вздохнула, услышав материнский голос.

– Привет, мам. Я уже выхожу, так что давай побыстрее. Я опаздываю на работу.

Мойши поднял хвост, тряхнул им и повернулся к телефону задом. Ханна еле сдержала смех, глядя на его выходки, и заговорщицки подмигнула.

– Нет, мам, я не давала Норману свой номер. Если он захочет со мной связаться, найдет в справочнике.

Когда мать затынула привычную песню о том, как надо привлекать мужчин, Ханна нахмурилась. Вчерашний ужин превратился в катастрофу. Когда она пришла к матери, там уже было два гостя: недавно овдовевшая соседка, миссис Кэрри Родс, и ее сын Норман. Ханне пришлось вести с ним светскую беседу за приторно-сладкой свининой по-гавайски и шоколадно-ореховым тортом из супермаркета, пока мамочки лучились от радости и перешептывались о том, какая они милая пара.

– Слушай, мам, мне правда пора...

Ханна замолчала и закатила глаза к потолку.

Когда Долорес входила в раж, вставить слово было невозможно. Мать свято верила, что женщина под тридцать обязана быть замужем, и, несмотря на все возражения Ханны, что ее и

так все устраивает, это не мешало Долорес знакомить ее с каждым холостяком, вдовцом или разведенным мужчиной, ступавшим на землю Лейк-Идена.

– Да, мам. Норман кажется очень милым, но... – Когда мать продолжила расписывать достоинства Нормана, Ханна поморщилась. С чего вдруг она решила, что старшую дочь заинтересует лысеющий стоматолог, который старше ее на несколько лет и любит поговорить о болезнях десен? – Извини, мам, я правда опаздываю и...

Мойши, похоже, почувствовал, что хозяйка на взводе, и ловко перевернул миску рыжей лапой. Ханна удивленно уставилась на него, а потом расплылась в улыбке.

– Все, мам, бегу. Мойши опрокинул миску, весь пол в корме.

Ханна оборвала мать на полуслове, когда та завела тему о доходах Нормана, и повесила трубку. Затем смахнула корм, выкинула в мусорку и насыпала свежий. Добавила пару лакомств – награду Мойши за смекалку – и, пока он довольно хрустел, выскочила за дверь.

Ханна сбегала по ступенькам в подземный гараж, отперла дверь пикапа и забралась внутрь. Открыв собственное дело, она купила подержанный «Шевроле-Субурбан» у Сирила Мерфи. Выкрасила машину в карамельно-красный, чтоб уж точно привлекала внимание, где бы ни стояла, и заказала надпись золотом на дверцах: «Печеньки к чаю». И даже номер заказала индивидуальный: «ПЕЧЕНЬКА».

Выезжая на пандус, Ханна столкнулась с возвращавшимся домой соседом. Фил Плотник работал в ночную смену на «ДелРэй мануфакчуринг». Ханна опустила стекло, предупредив, что с десяти до двенадцати отключат воду, и, приложив карточку к турникету, выехала с территории и свернула на север, на Олд-Лейк-роуд.

Мимо Лейк-Идена проходило шоссе, но местные обычно ездили в город по Олд-Лейк. Живописная дорога петляла вокруг озера Иден. Летом туристы путались в названиях. Ханна всегда с улыбкой объясняла: озеро называется Иден-Лейк, а городок на его берегу – Лейк-Иден.

Утром по-настоящему похолодало, что неудивительно для третьей недели октября. Осень в Миннесоте короткая – несколько недель листопада, когда все сходят с ума по багряным, оранжевым и желтым краскам. Облетит последний лист, оставив голые ветви на фоне свинцового неба, и подуют холодные северные ветра. А там и первый снег – детям в радость, а взрослые только вздыхают. Санки, коньки, снежки – это, конечно, весело, но зима – это еще и сугробы, которые надо чистить, почти полная изоляция, когда замедляются дороги, и температура, падающая до минус тридцати, а то и сорока.

Отпускники разъехались из Лейк-Идена сразу после Дня труда, вернувшись в уютные городские квартиры. Домики на берегу опустели: трубы утеплили, чтоб не замерзли в лютые морозы, окна заколотили досками от ледяных ветров с озера. Теперь тут жили только местные, и население Лейк-Идена, летом увеличивавшееся почти вчетверо, стало меньше трех тысяч человек.

Остановившись у светофора на углу Олд-Лейк-роуд и Дейри-авеню, Ханна заметила знакомую фигуру. Рон Ласаль стоял у молочной фермы «Милая буренка», загружая фургон товаром. К этому времени Рон уже развез продукцию постоянным частным клиентам, оставляя молоко, сливки и яйца в термоконтейнерах фермы. В Миннесоте без них никак: летом сохраняют прохладу, зимой – не дают замерзнуть.

Обхватив рукой подбородок, Рон задумчиво смотрел вдаль, будто размышляя о чем-то более серьезном, чем предстоящие заказы. Ханна увидится с ним позже, когда он привезет продукты, и мысленно пометила спросить, о чем он тогда думал. Рон гордился своей пунктуальностью, и фургон «Милой буренки» всегда подъезжал к черному ходу ее пекарни ровно в семь тридцать пять. Разгрузившись, Рон заходил в кафе на чашку кофе с теплым печеньем. Еще раз Ханна видела его в три часа дня, после окончания развоза. Тогда он забирал свой постоянный заказ – партию печенья. Рон оставлял его в фургоне на ночь, чтобы утром позавтракать.

Рон поднял голову, заметил ее на светофоре и помахал рукой. Зажегся зеленый, Ханна коротко библикнула и поехала дальше. С темными волнистыми волосами и мускулистый – на Рона было приятно посмотреть. Младшая сестра Ханны Мишель клялась, что Рон ничуть не хуже Тома Круза, и в школе сохла по нему. Даже сейчас, приезжая из колледжа Макалестер, Мишель всегда спрашивала о Роне.

Три года назад все ждали, что лучшего квотербека команды «Лейк-Иденские чайки» заберут в профессионалы, но в последней школьной игре Рон порвал связку, похоронив надежды на место в «Миннесотских викингх». Ханне иногда было его жаль. Вряд ли он мечтал развозить молоко. Но для местных он все еще был героем. В Лейк-Идене все помнили его победный тачдаун на чемпионате штата. Кубок стоял в стеклянной витрине в школе, а сам Рон на общественных началах тренировал «Лейк-Иденских чаек». Может, и правда лучше быть большой рыбой в маленьком пруду, чем третьим квотербеком, греющим скамейку запасных у «Викингов».

На улицах в такую рань никого не было, но Ханна следила, чтобы скорость не превышала двадцати пяти миль. Местный блюститель порядка Херб Бизмен славился тем, что караулил нерадивых водителей, любящих нажать на газ. Ханну Херб никогда не штрафовал, а вот ее мать до сих пор злилась из-за штрафа, который выписал ей младший сынок Мардж Бизмен.

Ханна свернула на углу Мейн-стрит и Четвертой и заехала в переулок за своей пекарней. У квадратного белого здания было два парковочных места, и Ханна поставила туда машину. Она не стала отматывать провод от бампера и подключаться к розетке на стене. Светило солнце, по радио обещали около сорока градусов по Фаренгейту¹. До зимы с морозами, когда без подогрева двигателя не завестись, еще пара недель.

Выйдя из машины, Ханна тщательно ее заперла. Преступности в Лейк-Идене почти не было, но Херб Бизмен выписывал штрафы и за незапертые автомобили. Не успела она дойти до задней двери пекарни, как на маленькой синей «Тойоте» подъехала Клэр Роджерс и припарковалась у бежевого здания рядом.

Ханна остановилась, подождала Клэр. Девушка ей нравилась, поэтому она не верила слухам о романе с мэром.

– Привет, Клэр. Ты сегодня рано.

– Новая партия коктейльных платьев пришла, ценники надо повесить. – Классически красивое лицо Клэр озарила улыбка. – Скоро праздники.

Ханна кивнула. Мысль о Дне благодарения и Рождестве с матерью и сестрами ее не радовала, но ради семейного мира приходилось терпеть.

– Заходи как-нибудь, Ханна. – Клэр окинула ее оценивающим взглядом, заметив и потертую куртку, и старую вязаную шапку, натянутую на рыжие кудри. – У меня есть потрясающее маленькое черное платье, оно тебе очень пойдет.

Ханна улыбнулась и кивнула, но еле сдержала смех, когда Клэр отперла дверь «Бомонда» и скрылась внутри. Куда надевать коктейльное платье в Лейк-Идене? Коктейльных вечеринок никто не устраивал, а единственный приличный ресторан закрылся сразу после отъезда отпускников. Ханна не помнила, когда в последний раз ходила в ресторан. Да что там, когда ее вообще кто-либо приглашал.

Ханна отперла черный ход и толкнула дверь. В нос ударил сладкий аромат корицы и патоки, и она улыбнулась. Вчера вечером она замесила несколько партий теста, запах еще витал в воздухе. Она включила свет, повесила куртку на крючок у двери и зажгла две промышленные газовые печи у стены. Ее помощница Лиза Херман придет в половине восьмого, чтобы заняться выпечкой.

¹ Около 4 °C.

Следующие полчаса пролетели незаметно: Ханна резала, растапливала, отмеряла, смешивала. Методом проб и ошибок она поняла, что печенье вкуснее, если замешивать небольшие партии вручную. Все рецепты были ее собственные, придуманные еще подростком на маминской кухне. Долорес считала выпечку обузой и с радостью сбавила это дело на старшую дочь, а сама вкладывала всю энергию в коллекционирование антиквариата.

Без десяти семь Ханна убрала последнюю миску с тестом в холодильник, загрузила посуду в промышленную посудомойку, сняла фартук и бумажный колпак и пошла в кафе заваривать кофе.

Кухню от кафе отделяла двустворчатая дверь, как в ресторанах. Ханна толкнула ее и вошла, зажигая старомодные светильники-глобусы, спасенные из закрывшегося кафе-мороженого в соседнем городке. Она подошла к витрине, отодвинула ситцевые занавески и оглядела Мейн-стрит. Ни души, слишком рано. Но Ханна знала: через час все стулья за маленькими столиками будут заняты. «Печеньки к чаю» были местной достопримечательностью, куда приходили обменяться сплетнями и спланировать день за кружкой крепкого кофе со свежим печеньем с пылу с жару.

Сверкающая нержавеющей кофеварка радовала глаз. Наливая воду и отмеряя кофе, Ханна улыбнулась. Лиза вчера отдраила ее до блеска. Лиза была просто подарком судьбы и для пекарни, и для кафе. Она всегда замечала, что нужно сделать, и делала это, не дожидаясь просьб, даже придумала парочку рецептов. Очень жаль, что Лиза не пошла в колледж, получив стипендию, но у ее отца Джека Хермана диагностировали Альцгеймера, и Лиза решила остаться дома, чтобы ухаживать за ним.

Ханна достала из холодильника за стойкой три яйца, бросила их прямо в скорлупе в миску с молотым кофе. Тяжелой ложкой разбила яйца, добавила щепотку соли. Перемешав яйца со скорлупой и кофе, Ханна выскребла содержимое в корзину кофеварки и нажала кнопку.

Через пару минут кофе закипел, и Ханна с наслаждением вдохнула аромат. Нет запаха лучше, чем у свежесваренного кофе, и все в Лейк-Идене говорили, что у нее он самый вкусный. Ханна повязала симпатичный ситцевый фартук, в котором обслуживала посетителей, и нырнула обратно за дверь, чтобы дать Лизе указания.

– Лиза, сначала пеки «Хрустяшки с шоколадной крошкой».

Ханна тепло улыбнулась помощнице.

– Они уже в печи, Ханна. – Лиза оторвалась от стола, где ложкой для мороженого формировала идеальные шарики из теста и обваливала их в сахаре. Ей было всего девятнадцать, на десять лет меньше, чем Ханне, и ее миниатюрная фигура тонула в огромном белом фартуке. – Сейчас занимаюсь имбирным для банкета бойскаутов.

Ханна наняла Лизу официанткой, но быстро поняла, что та способна на большее, чем просто разливать кофе. Уже в конце первой недели Ханна перевела ее на полный день и научила печь. Теперь они работали вместе, как команда.

– Как сегодня твой отец? – участливо спросила Ханна.

– Сегодня хороший день. – Лиза поставила противень с имбирным печеньем на стеллаж. – Мистер Дреклоу везет его в группу для пожилых при лютеранской церкви Святого Искупителя.

– Но вы же, кажется, католики?

– Католики, но папа этого уже не помнит. И вряд ли обед с лютеранами ему повредит.

– Я тоже так думаю. Ему полезно выходить, общаться с друзьями.

– Именно это я и сказала отцу Коултасу. Если Бог послал папе болезнь Альцгеймера, Господь поймет, что папа забыл, в какую церковь ходить. – Лиза подошла к печи, выключила таймер и достала противень с «Хрустяшками». – Как остынет, сразу занесу.

– Спасибо. – Ханна снова прошла через двойную дверь и отперла кафе. Перевернула табличку на «Открыто», проверила, хватает ли мелочи в кассе. Только она успела разложить пакетики с сахаром и сахарозаменителем, как к входной двери подъехала темно-зеленая «Вольво» не первой свежести.

Ханна нахмурилась – из машины вышла ее средняя сестра Андреа. Выглядела она сногшибательно: зеленый твидовый пиджак с политкорректным искусственным мехом на воротнике, светлые волосы собраны в блестящий пучок на макушке – хоть сейчас на обложку глянцевого журнала. Подруги говорили Ханне, что она тоже симпатичная, но достаточно было появиться Андреа, и Ханна чувствовала себя безнадежно провинциальной и неуклюжей.

Сразу после школы Андреа вышла замуж за Билла Тодда, помощника шерифа округа Уиннетка. У них росла дочь Трейси, которой в прошлом месяце исполнилось четыре. Билл был хорошим отцом, когда не на службе, но Андреа явно не создана для того, чтобы сидеть дома с детьми. Когда Трейси было полгода, Андреа решила, что семье нужен дополнительный доход, и пошла работать в агентство недвижимости «Лейк-Иден риэлти».

Звякнул колокольчик на двери, и Андреа ворвалась вместе с порывом холодного ветра, таща за руку Трейси.

– Слава богу, ты здесь, Ханна! Мне нужно показать объект, а я опаздываю в парикмахерскую.

– Сейчас только восемь, Андреа. – Ханна усадила Трейси на высокий стул у стойки и пошла к холодильнику за молоком. – Берти открывается в девять.

– Знаю, но она согласилась прийти пораньше ради меня. Сегодня утром я показываю старую ферму Петерсонов. Если продам, смогу заказать новый ковролин в спальню.

– Ферму Петерсонов? – Ханна потрясенно уставилась на сестру. – Кто захочет купить эту развалюху?

– Это не развалюха, Ханна. Это объект с потенциалом. А покупатель, мистер Харрис, может превратить ее в конфетку.

– Но зачем? – Ханна искренне не понимала. Ферма Петерсонов пустовала уже лет двадцать. В детстве Ханна ездила туда на велосипеде – обычный двухэтажный дом на нескольких акрах заброшенной земли, примыкавшей к «Милой буренке». – Покупатель твой, наверное, чокнутый. Земля там, считай, бесплодна. Старик Петерсон долгие годы пытался ее обрабатывать, а выросли только камни.

Андреа поправила воротник жакета.

– Клиент это знает, Ханна, и ему все равно. Его интересует только дом. Конструкция еще крепкая, и оттуда открывается прекрасный вид на озеро.

– Андреа, дом стоит в низине. Озеро видно только с крыши. Твой покупатель что, собирается лазить по лестнице каждый раз, когда захочет полюбоваться видом?

– Не совсем, но примерно так. Он сказал, что надстроит третий этаж и сделает там ферму выходного дня.

– Ферму выходного дня?

– Это загородный дом для городских, которые хотят быть фермерами, но не работать по настоящему. Он наймет кого-то из местных ухаживать за животными и землей.

– Понятно.

Ханна еле сдержала усмешку. Следуя этой логике, Андреа была женой и матерью выходного дня: нанимала местную женщину убирать и готовить, а за Трейси смотрели няни и воспитатели.

– Присмотришь за Трейси, а, Ханна? – Андреа выглядела взволнованной. – Знаю, какая это обуза, но всего на час. «Детский уголок» открывается в девять.

Ханна хотела было высказать сестре все, что накопило. У нее свой бизнес, а не ясли. Но взглянула на умоляющее личико Трейси и передумала.

– Ладно, Андреа. Трейси поработает у меня, пока не пойдет в садик.

– Спасибо, Ханна. – Андреа развернулась и пошла к двери. – Я знала, что на тебя можно положиться.

– Я правда могу поработать, тетя Ханна? – спросила Трейси тихим голоском, и Ханна ободряюще улыбнулась.

– Да, можешь. Мне нужен официальный дегустатор. Лиза испекла партию «Хрустяшек с шоколадной крошкой», и я должна знать, можно ли его подавать клиентам.

– Ты сказала шоколад? – Андреа обернулась и нахмурилась. – Трейси нельзя шоколад. Она становится гиперактивной.

Ханна кивнула, но заговорщицки подмигнула Трейси.

– Я запомню, Андреа.

– Увидимся позже, Трейси, – Андреа послала дочке воздушный поцелуй. – Не доставляй тете Ханне хлопот, хорошо?

Трейси подождала, пока за матерью закроется дверь, и повернулась к Ханне.

– Тетя Ханна, а что такое гиперактивная?

– Такими становятся дети, когда им весело. – Ханна вышла из-за стойки и сняла Трейси со стула. – Пойдем, малышка. Посмотрим, остыло ли уже печенье, чтобы ты могла его попробовать.

Когда вошли Ханна и Трейси, Лиза как раз ставила очередной противень в печь. Она обняла Трейси, протянула ей печенье с остывающего на стеллаже противня и с озабоченным видом повернулась к Ханне:

– Рон еще не приходил. Как думаешь, он заболел?

– Только если внезапно. – Ханна взглянула на часы. Было пятнадцать минут девятого, Рон опаздывал почти на сорок пять минут. – Я видела его два часа назад, когда проезжала мимо фермы, и он прекрасно себя чувствовал.

– Я тоже его видела, тетя Ханна.

Трейси дернула Ханну за рукав.

– Правда? Когда, Трейси?

– Молочный фургон проехал мимо, когда я ждала на улице у офиса. Мистер Ласаль пома- хал мне и как-то странно улыбнулся. А потом вышла Андреа с бумагами, и мы пошли к тебе.

– Андреа?

Ханна удивленно посмотрела на племянницу.

– Маме теперь не нравится, когда я называю ее мамой. Это ярлык, а она не любит ярлыки, – как могла объяснила Трейси. – Я должна называть ее Андреа, как все.

Ханна вздохнула. Пора, наверное, поговорить с сестрой о материнских обязанностях.

– Ты точно видела фургон «Милой буренки», Трейси?

– Да, тетя Ханна. – Трейси уверенно кивнула светлой головкой. – Он повернул на твоём углу и поехал в переулок. А потом я услышала громкий хлопок, как у папиной машины. Я догадалась, что это от молочного фургона, потому что других машин не было.

Ханна поняла, о чем говорит Трейси. Старый «Форд» Билла дышал на ладан и стрелял выхлопом при каждом торможении.

– Наверное, Рон возится с фургоном. Пойду посмотрю.

– Можно с тобой, тетя Ханна?

– Останься со мной, Трейси, – вмешалась Лиза, не дав Ханне ответить. – Поможешь мне слушать звонок колокольчика и обслуживать посетителей в кафе.

Трейси просияла.

– А можно я буду приносить им печенье, Лиза? Как настоящая официантка?

– Конечно, но это будет наш секрет. А то твой папа оштрафует нас за нарушение трудового законодательства.

– А что значит «оштрафует», Лиза? И почему мой папа так поступит?

Ханна ухмыльнулась, натягивая куртку и слушая Лизу. Трейси задавала вопросы обо всем на свете, и это сводило Андреа с ума. Ханна пыталась объяснить сестре, что любознательность – признак ума, но у Андреа просто не хватало терпения на смышленную четырехлетку.

Ханна открыла дверь и вышла. Сильный порыв ветра чуть не сбил ее с ног. Она захлопнула за собой дверь, прикрыла глаза от ветра и пошла вперед, вглядываясь в переулок. Фургон Рона стоял поперек, почти у самого поворота, загородив проезд в обе стороны. Дверь водителя была приоткрыта, ноги Рона свисали наружу.

Ханна пошла вперед, думая, что Рон растянулся на сиденье, копаясь в проводке под приборной панелью. Не желая пугать его, чтобы не ударился головой, она остановилась в нескольких шагах и окликнула его:

– Привет, Рон. Вызвать эвакуатор?

Рон не ответил. В переулке завывал ветер, гремел крышками мусорных баков – может, Рон не услышал. Ханна подошла ближе, снова позвала и заглянула в кабину.

От увиденного Ханна отшатнулась и нервно сглотнула. Рон Ласаль, местная футбольная легенда, лежал на спине на сиденье фургона. Белая кепка валялась на полу, листы заказов на планшете трепал ветер, а на сиденье лежал открытый пакет с печеньем из ее пекарни. Повсюду рассыпались «Хрустяшки с шоколадной крошкой», и, вытаращив глаза, Ханна заметила, что Рон все еще сжимает одно в руке.

А потом взгляд Ханны скользнул выше, и она увидела кошмарное отверстие с опаленными краями прямо в центре форменной рубашки «Милой буренки». Рон Ласаль был мертв. Его застрелили.

Глава 2

Ханна предпочла бы не привлекать клиентов таким способом, но надо признать, что обнаружение тела Рона пошло бизнесу на пользу. «Печеньки к чаю» были битком набиты посетителями. Некоторые даже жевали печенье стоя, и каждый хотел услышать ее мнение о том, что же случилось с Роном Ласалем.

Звякнул колокольчик, и вошла Андреа. Ханна подняла голову. Сестра выглядела так, будто готова убить, и Ханна вздохнула.

– Надо поговорить! – Андреа проскользнула за стойку и схватила ее за руку. – Сейчас же, Ханна!

– Я не могу, Андреа. У меня посетители.

– Скорее уж стервятники! – прошептала Андреа, окидывая взглядом толпу, которая с любопытством на них пялилась. Она выдавила натянутую улыбочку – просто растянула губы, никого не обманув насчет искренности, и сильнее сжала руку Ханны. – Вызови Лизу на кассу и сделай перерыв. Это важно, Ханна!

Ханна кивнула – Андреа выглядела ужасно расстроенной.

– Хорошо. Скажи Лизе, чтобы шла сюда, а я подойду к тебе в пекарню.

Они с Лизой быстро поменялись местами, и, проскользнув обратно в пекарню, Ханна застала сестру на высоком табурете у рабочего стола посреди кухни. Андреа уставилась на печи так, будто наткнулась на спящего медведя, и Ханна встревожилась:

– Что-то не так с печами?

– Не совсем. Лиза сказала, что сейчас сработает таймер и надо доставать печенье. Ты же знаешь, я не умею печь, Ханна.

– Я сама.

Ханна усмехнулась, протягивая сестре маленькую картонную упаковку апельсинового сока. Сестра чувствовала бы себя уютнее в чужой стране, чем на кухне. Кулинарные эксперименты Андреа всегда заканчивались катастрофой. Пока она не вернулась на работу и не наняла кого-то готовить, семейство Тоддов питалось одними полуфабрикатами из микроволновки.

Ханна взяла две прихватки и вытащила противни из печей. Поставила вместо них овсяное печенье с изюмом, которое подготовила Лиза, придвинула второй табурет и села рядом с сестрой.

– Что случилось, Андреа?

– Трейси. Дженис Кокс только что выставила нас из «Детского уголка». Говорит, Трейси рассказывает детям, что видела тело Рона.

– Это правда, видела.

– Как ты могла, Ханна? – Андреа выглядела так, будто ее предали. – Трейси впечатлительная, как и я. Такое может на всю жизнь психику искалечить!

Ханна открыла коробку с соком и вставила пластиковую трубочку.

– Сделай глоток, Андреа. Ты побледнела. И постарайся расслабиться.

– Как я могу расслабиться, если ты выставила труп перед моей дочерью?

– Я не выставляла. Это Билл. И Трейси видела только мешок с телом. Его как раз грузили в фургон coronera, когда Билл вел ее в садик.

– Значит, на самом деле Рона она не видела.

– Только если у нее нет рентгеновского зрения. Можешь спросить у Билла. Он все еще в переулке, охраняет место преступления.

– Я поговорю с ним позже. – Андреа отпила сока, и к щекам вернулся легкий румянец. – Прости, Ханна. Мне следовало знать, что ты не навредишь Трейси. Иногда мне кажется, что ты лучшая мать для нее.

Ханна прикусила язык. Сейчас было не время читать Андреа лекции о воспитании дочери.

– Трейси любит тебя, Андреа.

– Знаю, но материнство дается мне нелегко. Поэтому я наняла лучших нянь, каких смогла найти, и пошла работать. Я думала, Билл и Трейси будут гордиться моими успехами, но все вышло совсем не так, как я надеялась.

Ханна кивнула, понимая истинную причину внезапной откровенности сестры.

– Сделка сорвалась?

– Да. Он решил, что объект ему не подходит. А когда я предложила показать другие варианты, даже смотреть не стал. Я так хотела купить тот ковролин, Ханна. Он шикарный, придаст бы спальне совершенно новый вид.

– В следующий раз, Андреа. – Ханна ободряюще улыбнулась. – Ты хорошо умеешь продавать.

– Недостаточно хорошо, чтобы убедить мистера Харриса. Обычно я за милую цену продаю зевак, но начинаю думать, что он и не собирался покупать старую ферму Петерсонов.

Ханна встала, протянула ей шоколадное печенье, еще чуть теплое после печи. Андреа всегда его обожала, и Ханна решила: надо попросить Билла не упоминать, что Рон ел это печенье прямо перед смертью.

– Съешь это, Андреа. Шоколад немного взбодрит.

– Может быть. – Андреа откусила кусочек и слабо улыбнулась. – Я просто обожаю твоё печенье, Ханна. Помнишь, как ты впервые его для меня испекла?

– Помню, – ответила Ханна с улыбкой.

В дождливый сентябрьский день Андреа осталась после школы на отбор в группу поддержки. Поскольку девятиклассниц в основной состав еще никогда не брали, Ханна не особо надеялась на успех. Она примчалась домой, чтобы испечь для сестры шоколадно-овсяное печенье, надеясь подсластить горечь разочарования, но не проверила, все ли ингредиенты имеются. Банка с овсянкой оказалась пуста, и Ханна добавила вместо нее измельченные кукурузные хлопья. Печенье вышло изумительное, Андреа прошла в группу поддержки и с тех пор нахваливала фирменное шоколадное печенье Ханны.

– Невозможно было понять, что он просто пришел поглазеть. – Андреа откусила еще кусочек и вздохнула. – Он выглядел как настоящий покупатель. Даже Эл Перси так считал. В смысле, нам даже не пришлось его заманивать. Он сам пришел!

Ханна поняла, что Андреа будет полезно выговориться.

– И давно это было?

– Три недели назад, во вторник. Он сказал, что дом ему очень нравится, в нем чувствуется история. А когда я показала дом внутри, еще больше загорелся.

– Но купить так и не решился?

– Сказал, что нужно сначала уладить кое-какие детали. Я решила, что это просто отговорка, и махнула на него рукой. Иногда люди не умеют говорить «нет» и придумывают дурацкие причины. Я посчитала, что больше его не увижу, но на прошлой неделе он позвонил и сказал, что все еще заинтересован.

Ханна решила, что сестре сейчас нужна поддержка.

– Может, он правда хотел купить, но не потянул финансово.

– Вряд ли. Он сказал, что деньги не проблема, просто объект ему не подходит. А потом сел в прокатную машину и уехал.

– Не в собственную?

– Да, сказал, что не хочет убивать подвеску своего «Ягуара» на гравийных дорогах. Может, у него и «Ягуара» никакого нет! Если я еще раз увижу мужика в парике, не поверю ни единому его слову! Кто врет про волосы, тот и в остальном соврет.

Ханна рассмеялась и пошла доставать из печи овсяное с изюмом печенье. Когда она обернулась, сестра уже вставала.

– Мне пора бежать, – объявила Андреа. – Мама сказала, что миссис Роббинс подумывает переехать в квартиру для пожилых «Лейквью». Заскочу-ка я к ней, может, уговорю выставить дом через меня.

Ханна сразу почувствовала облегчение. К Андреа, кажется, вернулась уверенность в себе.

– Передам привет Биллу и узнаю, сможет ли он забрать Трейси из садика. И надо бы что-то взять с собой к миссис Роббинс. Явиться с пустыми руками как-то не по-соседски.

– Возьми вот это. Она их обожает. – Ханна наполнила фирменный пакет имбирным печеньем. Пакеты были похожи на миниатюрные сумочки с красными ручками и надписью золотом: «Печеньки к чаю».

– Очень мило с твоей стороны, – с благодарностью сказала Андреа. – Я редко это говорю, но ты замечательная сестра. Не знаю, что бы я делала, если бы ты не вернулась, когда умер папа. Мама была не в себе, и Мишель не знала, как с ней быть. Я пыталась везде успеть, но Трейси была совсем крошкой, и я просто не справлялась. Мне пришлось в голову только одно: позвонить тебе и умолять вернуться, чтобы всех спасти.

Ханна быстро обняла сестру.

– Ты поступила правильно. Я старшая сестра, а ты недавно вышла замуж. Я была обязана помочь.

– Но иногда мне так стыдно, что я тебя вызвала. У тебя была своя жизнь, и ты всем этим пожертвовала ради нас.

Ханна отвернулась, чтобы скрыть внезапно выступившую в глазах влагу. Может, потеря клиента и пошла Андреа на пользу. Она никогда не была такой благодарной.

– Тебе нечего стыдиться, Андреа. Возвращение домой не было для меня жертвой. Я и так сомневалась, стоит ли дальше преподавать, и хотела заняться чем-то другим.

– Но ты почти защитила докторскую. Могла бы уже быть профессором в приличном университете.

– Может быть. – Ханна пожала плечами, соглашаясь. – Но делать печенье гораздо веселее, чем читать лекции про пятистопный ямб или торчать на мертвецки скучных факультетских собраниях. И ты знаешь, как я люблю свою пекарню.

– Значит, ты довольна своей жизнью в Лейк-Идене?

– У меня отличный бизнес, свое жилье, и мне не нужно жить с матерью. Чего еще желать? Андреа заулыбалась.

– В этом что-то есть, особенно насчет матери. А как же романтические отношения?

– Не дави, Андреа. – Ханна предостерегающе посмотрела на нее. – Если встретится подходящий мужчина – прекрасно. А нет – и ладно. Мне и одной отлично живется.

– Хорошо, если ты так уверена.

По пути к двери Андреа выглядела очень довольной.

– Уверена. Удачи с миссис Роббинс.

– Она мне понадобится. – Андреа с усмешкой обернулась: – Если она начнет нахваливать своего сына-доктора, меня просто вывернет.

Ханна прекрасно поняла, что имела в виду сестра. На прошлой неделе миссис Роббинс заходила в пекарню и целый час распиналась о сыне. По ее словам, доктор Джерри Роббинс вот-вот откроет лекарство от рассеянного склероза, рака и простуды – одним махом.

Билл просунул голову в кафе и помахал рукой:

– Мне нужно задать тебе несколько вопросов, Ханна.

– Конечно, Билл. – Ханна передала фартук Лизе, взяла две кружки крепкого черного кофе и последовала за Биллом в подсобку.

По пути она отметила, как ладно сидит форменная рубашка цвета хаки на его широких плечах. В школе Билл тоже играл в футбол, не так успешно, как Рон Ласаль, но свою долю побед принес. Сейчас он раздался в талии из-за слишком большого количества пончиков в шоколаде из круглосуточного магазина по дороге в участок, но все еще оставался видным мужчиной.

– Спасибо за кофе, Ханна. – Билл плюхнулся на табурет и обхватил кружку ладонями. – На улице холодает.

– Вижу. И выглядишь ты неважно. Что-нибудь нашел?

– Не особо много. Окно со стороны водителя было открыто. Рон, видимо, остановил фургон и опустил стекло, чтобы поговорить с убийцей.

Ханна задумалась.

– Он не стал бы опускать стекло, если бы почуял опасность.

– Это уж точно, – согласился Билл. – Кто бы это ни был, Рона застали врасплох.

– Есть подозреваемые?

– Пока нет. И если не найдется свидетель, единственная улика – пуля. Ее отправят на баллистическую экспертизу сразу после вскрытия.

При упоминании вскрытия Ханна поморщилась. Пытаясь отвлечься от мысли, что доктор Найт будет резать Рона, она спросила:

– Необязательно рассказывать всем, что прямо перед смертью он ел мое печенье. Это может отпугнуть клиентов, сам понимаешь.

– Без проблем. – Билл впервые за утро выглядел почти веселым. – Твое печенье тут ни при чем. Рона застрелили.

– Жаль, что я не нашла его раньше, Билл. Могла бы вызвать «Скорую».

– Это не помогло бы. Похоже, пуля попала в сердце. Точнее сказать можно только после вскрытия, но думаю, он умер мгновенно.

– Это хорошо. – Ханна кивнула и тут же поняла, что сказала. – В смысле, это не хорошо, но я рада, что все случилось быстро.

Билл открыл блокнот.

– Расскажи мне все, что произошло сегодня утром, Ханна. Даже то, что кажется неважным.

– Ладно. – Ханна подождала, пока Билл возьмет ручку, и рассказала все: от того момента, как впервые увидела Рона у фермы, до того, как нашла тело. Она назвала Биллу точное время, когда вышла через заднюю дверь пекарни и когда вернулась, чтобы позвонить шерифу.

– Из тебя хороший свидетель, – похвалил ее Билл. – Это все?

– Думаю, Трейси была последней, кто видел Рона живым. Она сказала, что ждала Андреа около офиса риелторов, когда Рон проезжал мимо в фургоне. Она помахала ему, он помахал в ответ, и она видела, как он свернул у моего угла. Это было, наверное, около восьми, потому что Андреа и Трейси зашли в кафе почти сразу после открытия, и...

Ханна замолчала и нахмурилась.

– Что такое, Ханна? – Билл снова взял ручку. – Ты что-то вспомнила, да?

– Да. Если Трейси видела Рона в восемь, он уже опаздывал на двадцать пять минут.

– Откуда ты знаешь?

– Рон должен был приехать сюда в семь тридцать пять. Он развозит молоко по школам, а потом сразу едет ко мне. Мое кафе в его маршруте с самого открытия, и он никогда не опаздывал больше чем на минуту.

– Поэтому ты и пошла в переулок искать его фургон?

– Не совсем. Мы подумали, что фургон сломался. Трейси сказала, что слышала хлопок, сразу после того как он свернул в... – Ханна осеклась на полуслове, распахнув глаза от потрясения. – Трейси слышала, Билл. Она думала, это автомобильный выхлоп, но это был выстрел, которым убили Рона!

Билл сжал губы, и Ханна поняла, о чем он думает. Страшно было представить, что Трейси оказалась так близко от места убийства.

– Я лучше съезжу на ферму и оповещу Макса Тернера, – сказал он.

– Макса там нет. Рон говорил, что он сегодня утром уезжает на конференцию маслоделов. В Висконсин, кажется, на неделю. На твоём месте я поговорила бы с Бетти Джексон. Она секретарша Макса и знает, как с ним связаться.

– Хорошая мысль. – Билл допил кофе и поставил кружку. – Это очень важное для меня расследование, Ханна. На прошлой неделе я сдал экзамен на детектива, и шериф Грант поручил дело мне.

– Значит, тебя повысили? – улыбнулась Ханна.

– Пока нет. Шериф Грант должен подписать бумаги, но я почти уверен, что подпишет, если я справлюсь. Повышение было бы очень кстати для нас. Я буду больше получать, и Андреа сможет уйти с работы.

– Это замечательно, Билл, – искренне порадовалась за него Ханна.

– Ты не считаешь, что это неправильно – использовать убийство Рона как трамплин для повышения?

– Вовсе нет, – Ханна покачала головой. – Кто-то же должен поймать убийцу Рона. Если это сделаешь ты и получишь повышение, то вполне заслуженно.

– Ты не просто так говоришь, чтобы меня подбодрить?

– Я? Я никогда не говорю того, чего не думаю, особенно когда это важно. Тебе уже пора меня знать!

Билл усмехнулся, расслабившись.

– Ты права. Как говорит Андреа, дипломатия – не твой конек.

– Верно.

Ханна признала это с улыбкой, хотя замечание все же слегка укололо. Ей казалось, что с Андреа за все эти годы вела себя весьма дипломатично. Во многих случаях она с радостью придушила бы сестру, но ведь не придушила же.

– И еще кое-что, Ханна. – Билл откашлялся. – Неловко просить, но с тобой многие разговаривают, ты знаешь почти всех в городе. Позвонишь мне, если услышишь что-то важное?

– Конечно.

– Спасибо. Просто держи ухо востро. Если убийца Рона местный, он обязательно скажет или сделает то, что его выдаст. Надо только хорошо соображать, чтобы это увидеть.

Ханна кивнула. Тут она заметила, что Билл с воодушевлением смотрит на противни с овсяным печенем с изюмом, и встала, чтобы наполнить для него пакет.

– Не ешь все сразу, Билл. У тебя уже вон какие бока.

После ухода Билла Ханна задумалась о своих словах. Андреа права. Дипломат из нее никакой. Дипломатичный человек не стал бы упоминать бока. Не ее это дело – критиковать мужа Андреа.

Возвращаясь через двойную дверь на свое место за стойкой, Ханна поняла, что совершила куда более серьезный проступок перед сестрой. Она ведь только что пообещала помочь Биллу раскрыть убийство, которое в итоге может оставить Андреа без работы.

Хрустяшки с шоколадной крошкой

Разогрейте духовку до 190 °С. Противень ставьте на средний уровень.

Ингредиенты:

220 г растопленного сливочного масла

200 г белого сахара

200 г коричневого сахара

2 чайные ложки соды

1 чайная ложка соли

2 чайные ложки ванилина

2 взбитых яйца (можно взбить вилкой)

320 г муки (непросеянной)

2 стакана измельченных кукурузных хлопьев (просто раздавите руками)

1–2 стакана шоколада в каллетах или ломаного шоколада

Растопите масло, добавьте сахар и перемешайте. Добавьте соду, соль, ванилин и взбитые яйца. Хорошо перемешайте. Затем вмешайте муку. Добавьте измельченные кукурузные хлопья и шоколад, тщательно перемешайте до однородности.

Скатайте из теста шарики размером с грецкий орех и выложите на смазанный маслом противень – по 12 штук на стандартный лист. Слегка прижмите их шпателем, смазанным маслом или присыпанным мукой.

Выпекайте при 190 °С 8–10 минут. Оставьте на противне на 2 минуты, затем переложите на решетку до полного остывания. Решетка важна – так печенье становится хрустящим.

На 75–100 штук, в зависимости от размера.

Андреа обожает это печенье еще со старшей школы.

Примечание Ханны. Если печенье слишком расплывается в духовке, убавьте температуру до 180 °С и не приминайте его перед выпечкой.

Глава 3

– Ну все, Лиза. Я готова. – Ханна захлопнула заднюю дверцу машины и обошла ее, чтобы сесть за руль. – Вернусь самое позднее в четыре.

Лиза кивнула, протягивая контейнер с лимонами, вымытыми до такой стерильности, чтобы любые микробы, рискнувшие на них приземлиться, в ужасе разбежались.

– Может, взять побольше сахара? Вдруг лимонад будет нарасхват?

– Если что, возьму в школьной столовой. Эдна работает до половины четвертого.

Когда Лиза скрылась внутри, Ханна сдала назад в переулок и поехала в сторону школы Джордана. Школу называли в честь первого мэра Лейк-Идена Иезекииля Джордана, но, как подозревала Ханна, большинство учеников считали, будто их школа носит имя известного баскетболиста².

Школа Джордана и начальная школа Вашингтона представляли собой два отдельных здания, соединенных крытым переходом с окнами от пола до потолка, выходящими на школьный двор. В целях экономии у школ был общий актовый зал и столовая, а также один директор на двоих. Обслуживающий персонал состоял из четырех человек: двое отвечали за уборку, двое – за детскую площадку и спортивные поля старшей школы.

Комплекс работал отлично. Благодаря тому, что начальная и старшая школы были соединены, старшие братья и сестры всегда могли отвезти младших домой в случае болезни или успокоить перепуганного детсадовца, скучающего по родителям. Была и еще одна выгода для старшеклассников. Выпускникам, планировавшим стать учителями, в свободное время предлагали работать помощниками учителей в младших классах. Такая ранняя практика дала плоды: несколько выпускников колледжа вернулись в Лейк-Иден преподавать в школе.

Сворачивая на Третью улицу и проезжая мимо квартала, отведенного под зону отдыха, Ханна заметила, что в парке Лейк-Идена нет ни одного дошкольника. Цепи качелей безжизненно болтались, карусель была усыпана разноцветными листьями, упавшими еще утром, и хотя температура поднялась выше обещанных восьми градусов, никто из детей не нарезал круги на трехколесных велосипедах по дорожке.

На мгновение Ханне это показалось странным. Для мам дошкольников такая погода – подарок судьбы. Но она тут же вспомнила утренние события и поняла, почему парк пустует. В Лейк-Идене завелся убийца. Встревоженные родители на всякий случай оставили детей дома.

На Галл-авеню у тротуара выстроилась длинная вереница машин. Она растянулась на три квартала в обе стороны от школы, перекрывая подъезды к домам и пожарные гидранты в полном пренебрежении к правилам парковки. Ханна медленно пробиралась мимо обеспокоенных родителей, ждущих звонка с последнего урока. Приблизившись к школе, она увидела, что Херб Бизмен припарковал только что вымытую и отполированную патрульную машину по диагонали прямо перед входом. Он не выписывал штрафы за нарушения, творившиеся прямо под носом, и Ханна решила, что безопасность детей Лейк-Идена для него сейчас важнее, чем пополнение городской казны.

Ханна протянула руку назад между сиденьями и достала пакет с имбирным печеньем. Она всегда возила с собой несколько пакетов для подобных случаев. Затем подъехала к патрульной машине Херба и опустила стекло.

– Привет, Херб. Я везу угощение на банкет бойскаутов. Ничего, если я заеду на стоянку?

– Конечно, Ханна, – отозвался Херб, не отрывая взгляда от пакета с печеньем. – Только припаркуйся по правилам. А это мне?

Ханна протянула ему пакет.

² Имеется в виду американский баскетболист Майкл Джеффери Джордан (1963).

– Отличная работа, охраняешь детей. Родители наверняка оценят.

– Спасибо. – Херб выглядел польщенным. – Твоя мать все еще злится за тот штраф?

– Не то чтобы злится, Херб. – Ханна решила не пересказывать, как именно мать его обзывала. – Но все еще немного обижена.

– Жаль, что так вышло, Ханна. Я ничего против твоей матери не имею, но нельзя же так гонять по городу.

– Понимаю, и мама, думаю, тоже. Просто пока не готова это признать. – Ханна усмехнулась: – По крайней мере, один плюс от того штрафа все же есть.

– Какой?

– Она прекратила попытки свести нас с тобой.

Ханна все еще посмеивалась, отъезжая. Судя по удивленному выражению лица Херба, он и не догадывался, что его прочили ей в мужа.

Широкие ворота, отделявшие учительскую парковку от школьной территории, были открыты, и Ханна въехала туда. Пробираясь между рядами припаркованных машин, она отметила, что новых или дорогих автомобилей тут практически нет. Учительская зарплата не позволяла роскошествовать, и Ханна подумала, что это позор. В системе что-то явно не так, если можно заработать больше учителя, жаря бургеры в забегаловке.

Участок асфальта у черного хода столовой был утыкан предупредительными знаками. Ханна припарковалась возле того, на котором было написано: «СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ПАРКОВОЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛЕЙК-ИДЕНА». Мелким шрифтом значилось, что нарушители будут преследоваться по всей строгости закона, но Парковочное управление Лейк-Идена состояло из одного Херба Бизмена, а он в данный момент сторожил главный вход. Ханна не чувствовала никаких угрызений совести. Она опаздывала, и ей требовалось разгрузить припасы. Меньше чем через десять минут толпа голодных бойскаутов набросится на ее печенье и лимонад.

Едва Ханна подъехала, как дверь кухни открылась, на пороге появилась Эдна Фергюсон и приветливо улыбнулась. Ей было уже за пятьдесят, но это не мешало выглядеть худенькой как воробушек.

– Привет, Ханна. А я уж гадала, когда ты подъедешь. Помочь разгрузить?

– Спасибо, Эдна. – Ханна протянула ей коробку. – Скауты пока не пришли?

Эдна покачала головой, закрытой сеткой для волос.

– Мистер Первис собрал всех в актовом зале на общую линейку. Если за кем-то не придут родители, он велел расходиться по домам группами.

Ханна кивнула, взвалила на плечо большую коробку с печеньем, которую упаковала Лиза, и пошла за Эдной в школьную столовую. Войдя в просторное помещение с длинными столами вдоль стен и огромными плитами, Ханна задумалась: каково это – быть последним ребенком в группе? Когда сначала идешь со всеми, чувствуя себя в безопасности благодаря численности, но потом друзья сворачивают по домам. Когда уйдет последний, остаток пути придется пройти одному, надеясь и молясь, чтобы убийца не прятался в кустах.

– Он не мучился, правда, Ханна?

Ханна поставила коробку и обернулась к Эдне:

– Что-что?

– Рон. Я весь день об этом думаю. Он был таким хорошим мальчиком. Если уж ему пришлось умирать, хорошо бы быстро и без боли.

Ханна не верила, что каждому отмерен свой срок. Думать так – все равно что покупать лотерейный билет и считать, что уж теперь-то тебе точно выпадет джекпот.

– Билл сказал, что, по его мнению, смерть была мгновенной.

– Ну и слава богу. Подумать только – он был здесь, всего за несколько минут до смерти! Прямо мороз по коже!

Ханна выложила лимоны на разделочную доску и начала нарезать их тонкими, почти прозрачными ломтиками.

– Значит, Рон сегодня утром доставил продукты?

– А как же. Мальчик ни дня не пропустил. Очень ответственный, гордился своей работой.

Ханна мысленно добавила этот факт в копилку. Сегодня утром Рон завез продукты в школу Джордана. Мало ли, вдруг пригодится.

– Ты видела его утром?

– Нет. Я никогда его не вижу. Я прихожу только к восьми, а он к тому времени уже уезжал. Но холодильник был полный.

Ханна распаковала пластиковую чашу для пунша (стеклянную она берегла для официальных мероприятий вроде свадеб и выпускного) и протянула Эдне. Затем взяла огромный термос с лимонадом и миску с нарезанными лимонами и пошла в основной зал столовой. Для угощения уже накрыли стол с голубой бумажной скатертью, а на другом столе, покрытом такой же скатертью, стояла картонная коробка из-под бумаги.

– Гил накрыл, когда у него не было уроков, – сообщила Эдна. – Просил передать, что принесет воздушные шары.

– Хорошо, оставляю место. – Ханна показала Эдне, куда поставить чашу, открыла термос и принялась разливать лимонад. – Ты ничего необычного на кухне утром не заметила?

– Да вроде нет. А что у тебя за лед, Ханна? Мутный какой-то.

– Из лимонада, чтобы не разбавлял напиток, когда растает. Я всегда так делаю. – Ханна перелила лимонад, а сверху бросила кружки лимона. Отступила на шаг полюбоваться и заметила, что Эдна хмурится. – Думаешь, мало лимонов?

– Да нет, очень профессионально выглядит. Я просто о Роне думала.

– Ты не одна такая. Пойдем, Эдна. Надо печенье распаковывать.

Эдна пошла за ней на кухню и ахнула, когда Ханна подняла крышку коробки.

– Вы только посмотрите! Красота-то какая, Ханна!

– Мне тоже нравится. – Ханна улыбнулась, выкладывая печенье на поднос. Лиза нарисовала на каждом глазурию желто-голубую эмблему бойскаутов. – Лиза Херман украшала. Она у нас настоящий мастер кондитерского мешка.

– Талантливая девочка. Да что там, она всего в жизни добилась бы, если б захотела. Жалко, что из-за отца пришлось бросить колледж.

– Знаю. Старшие братья и сестры хотели определить его в дом престарелых, но Лиза посчитала это неправильным. – Ханна протянула Эдне коробку с голубыми картонными тарелками, золотистыми салфетками и голубыми пластиковыми стаканчиками. – Отнеси, пожалуйста, а я печенье принесу.

Сервировка стола много времени не заняла. Покончив с этим, они вернулись на кухню выпить по чашке кофе. Они сидели за квадратным деревянным столом в углу, ждали скаутов, и тут Эдна снова тяжело вздохнула.

– До чего же жалко, прямо слов нет.

– Ты о Роне?

– Да. Бедный мальчик совсем с ног сбился с развозкой. В неделю шестьдесят часов выходило, а Макс сверхурочные не платил. Это его доконало.

– Это Рон тебе сказал?

Эдна покачала головой:

– Бетти Джексон. Она присутствовала, когда Рон просил Макса найти ему помощника. Это было больше полугода назад, но Макс пожадничал, не стал никого больше нанимать.

Ханна знала. За Максом Тернером закрепилась слава человека, который удавится за каждый доллар. Для того, у кого, по слухам, денег куры не клюют, жил он совсем не по-царски. Макс ездил на новой машине, но больше не позволял себе никакой роскоши. Жил он все в том

же старом родительском доме позади «Милой буренки». Подремонтировал, конечно, но без этого никак. Иначе дом просто развалился бы.

– Обидно, что Рон умер как раз в тот день, когда у него наконец появился помощник.

– У Рона появился помощник? – Ханна удивленно уставилась на Эдну. – Откуда ты знаешь?

– Я для Рона баночку растворимого кофе держу. Он любил согреться после холода. Сегодня утром на стойке стояло две кружки, я и подумала – дали ему наконец помощника. Вот только никак не ожидала, что Макс женщину наймет!

У Ханны участился пульс. Новый помощник Рона мог быть свидетелем убийства.

– Ты уверена, что помощник – женщина?

– На кружке была помада. Ярро-розовая. Наверное, девушка совсем молоденькая, на нас с тобой это смотрелось бы ужасно.

Ханну покорило, что ее причислили к категории женщин на двадцать лет старше. Она собралась напомнить Эдне о разнице в возрасте, но решила, что пользы это не принесет.

– Ты вымыла стаканы, Эдна?

– Нет, выбросила в мусорку.

– Выбросила в мусорку?

Эдна рассмеялась, глядя на изумленную физиономию Ханны.

– Это были одноразовые стаканчики.

– Это же улика! – объявила Ханна, и смех Эдны мгновенно утих. – Билл ведет расследование, он должен их увидеть.

Ханна развернулась и направилась к мусорной корзине у раковины, но не успела в нее залезть, как Эдна остановила ее.

– Мистер Ходжес вынес мусор сразу после обеда. Прости, Ханна, я не думала, что это важно.

Ханна поняла, что погорячилась.

– Ничего страшного. Просто скажи, куда мистер Ходжес выбрасывает мусор?

– В большой оранжевый бак на стоянке. Кому-то придется порыться в баке, пока его не увезли.

– А во сколько увезут?

– Около пяти.

Ханна выругалась сквозь зубы. Не могла же она стоять и смотреть, как мусоровоз увозит важные улики. Надо дозвониться до Билла, но если к концу банкета он так и не появится, придется лезть в помойку самой.

– Ханна, ты просто чудо! – Гил Сурма, руководитель скаутов и школьный психолог, дружески хлопнул ее по плечу. – Хорошо, что ты взяла побольше печенья. Никогда бы не подумал, что восемнадцать парней умнут восемьдесят штук.

– Это меньше пяти штук на нос, а у них растущий организм. Я просто подумала: раз уж я угощаю скаутов, надо соответствовать девизу.

Гил сообразил не сразу. Ханна видела, как уголки его глаз собрались морщинками, и он хмыкнул.

– «Будь готов»? Остроумно.

Ханна улыбнулась и отнесла чашу для пунша на кухню. Вернувшись, она застала Гила на том же месте.

– Можешь идти, Гил, я сама уберу.

– Нет, я помогу. – Гил начал собирать пластиковые стаканчики и тарелки, бросая их в мусорное ведро. – Ханна...

– Да, Гил.

Ханна замерла, глядя на него. Вид у Гила был очень серьезный.

– Это ты нашла Рона, да?

Ханна вздохнула. Каждый встречный норовил расспросить про Рона. Она превращалась в местную знаменитость, но быть обязанной такой славой убийству просто отвратительно.

– Да, Гил. Его нашла я.

– Наверное, ты была в ужасе.

– Не самое приятное приключение в жизни.

– Я вот что подумал... тебе пришлось пережить кошмар и, возможно, стоит с кем-то это обсудить. Моя дверь всегда открыта, Ханна. Я сделаю все возможное, чтобы тебе помочь.

Ханна хотела сказать, что психолог ей не нужен. А даже если и нужен, то школьный консультант, который специализируется на подростковых трагедиях вроде прыщей и субботнего вечера без свидания, оказался бы не первым в ее списке. Но она тут же напомнила себе, что поклялась быть дипломатичной, глубоко вздохнула и приготовилась соврать.

– Спасибо за предложение, Гил. Если мне понадобится с кем-то поговорить, ты будешь первым, к кому я обращусь.

Когда Ханна собрала припасы и притащила их к машине, Эдны уже не было. Ханна несколько раз пыталась дозвониться Биллу, но ей отвечали, что он на выезде и недоступен. Ханна взглянула на часы. Она обещала Лизе вернуться к четырем, оставалось всего пять минут. Но найти стаканчик с помадой важнее, чем вовремя явиться в пекарню.

Ханна оглядела свои лучшие брюки и тонкий шерстяной джемпер. Она собиралась сегодня вечером обслуживать прием у мэра и специально так оделась.

К счастью, нежно-бежевый трикотаж можно стирать. Мысленно ужаснувшись, сколько всего придется стирать, едва она доберется до дома, Ханна закатала рукава и решительно зашагала к мусорному баку, готовясь к смертельной битве с объедками из школьной столовой.

Ханна поморщилась от валившей из огромного металлического бака вони и снова выругалась. Край бака доходил ей до подмышек, и вытащить все мешки наружу, чтобы осмотреть, не было никакой возможности. Выдав еще одно ругательство, на этот раз покрепче, Ханна вернулась к машине и подогнала ее вплотную к баку. Затем вскарабкалась на леденцово-красный капот, запустила руку в бак и подцепила мешок.

Первая попытка принесла скомканные салфетки, комки пудинга и бурые сгустки, отдаленно напоминавшие мясное рагу. По крайней мере, теперь она знала, чем кормили учеников на обед. Ханна собралась уже вытащить второй мешок, как вдруг вспомнила, что мусорная корзина на кухне была выстелена зеленым пакетом. Она перегнулась через капот и начала перебирать черные мешки, перетаскивая их в сторону. На самом дне – ну как же иначе! – она увидела один-единственный зеленый пакет.

Ханна подалась вперед, повиснув над баком, но кончики пальцев все равно чуть-чуть не доставали до зеленого пакета. Она вздохнула и поступила так, как сделала бы любая уважающая себя невестка и начинающий сыщик-любитель, оказавшись на ее месте. Развернулась, свесила ноги через край металлического бака, глубоко вздохнула и сползла в чрево контейнера.

Внутри схватить зеленый пакет оказалось проще простого. А вот выбраться обратно – не очень. Ханне пришлось соорудить пирамиду из черных мешков, чтобы вскарабкаться по ним, как по скользкой и пружинящей лестнице. Один мешок лопнул под ее весом, туфли погрузились в месиво из рагу, и она простонала. Когда Ханна вынырнула из зловонных глубин и снова вскарабкалась на капот «Субурбана», она понимала, что воняет так же отвратительно, как и выглядит.

– Билл мне теперь по гроб жизни обязан, – проворчала Ханна, развязывая зеленый пакет и роясь в нем.

Несколько мятых хлебных пакетов, куча окурков – и, наконец, два пенопластовых стаканчика.

– Есть! – торжествующе воскликнула Ханна.

Она уже хотела схватить стаканчики, но вспомнила, что детективы в кино и телесериалах всегда пользуются перчатками и пакетами для улик. Если на стаканчике с помадой есть отпечатки, стирать их никак нельзя. Перчаток и пакетов для улик у Ханны с собой, разумеется, не было, поэтому она натянула на руку пакет из-под хлеба, выудила стаканчики один за другим и сложила их во второй пустой хлебный пакет.

Добыв улики, Ханна сползла с капота и забралась в машину. Заводя двигатель и выезжая со школьной стоянки, она чувствовала себя немного глупо из-за таких замысловатых предосторожностей. Подражать телевизионным сыщикам – безумие, если только ты не совсем уж дурочка, которая верит, будто все телефонные номера в стране начинаются на пятьсот пятьдесят пять.

Глава 4

Когда Ханна ворвалась через заднюю дверь в кафе, Лиза наполняла пакет «Арахисовыми неженками», и ее глаза стали круглыми как блюдца.

– Ханна! Что это с тобой?

– Не спрашивай. Я сейчас, только по-быстрому приму душ.

– Но пришел Билл, ему нужно с тобой поговорить.

Ханна нырнула в ванную и высунула голову обратно:

– Где он?

– Там, в зале. Стоит за стойкой, пока я собираю заказ для миссис Джессап.

– Дай ему чашку кофе и отправь сюда. Я выйду, как только приведу себя в порядок.

Закрыв за собой дверь, Ханна стащила грязную одежду и запихнула в мешок для стирки. Затем втиснулась в крошечную металлическую кабинку, которую Эл Перси, показывая ей это здание, назвал «приятным бонусом», и крутанула кран. Она пользовалась душем только однажды, когда лопнул большой мешок муки, пока она водружала его на рабочий стол. Душ был тесноват, конечно, но свою функцию выполнял. Отмывшись, насколько позволяло узкое пространство, Ханна выключила воду и вылезла, вытираясь с рекордной скоростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.